

ПОД НАМИ
ГОРЕЛА
ЗЕМЛЯ

ЮРИЙ ПОПОВ

Попов Юрий

Под нами горела земля

«Автор»

2026

Юрий П.

Под нами горела земля / П. Юрий — «Автор», 2026

Ноябрь 1941. Деревня Сафоново. Сто с лишним километров до Москвы. Они не знали, что делят между собой последние дни. Позади была Москва, а за Москвой отступать некуда. У каждого своя жизнь, которую они не успели дожить, — своя любовь, свой страх, свой долг перед теми, кто ждёт дома. Когда смолкнут все голоса вокруг — останется только он. И решение, которое невозможно принять умом. Только сердцем, до последнего снаряда.

© Юрий П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Попов Юрий

Под нами горела земля

Глава 1

Глава I.

Пушку тащили на руках последние полверсты — колёса вязли в мёрзлой каше, не то грязь, не то уже снег. Ни то ни сё. И лошадь, которая тянула передок от самой станции, встала намертво у пригорка, сколько её ни понукали.

— Взяли! — скомандовал Андрей, упираясь плечом в станину. — Раз-два...

Тянули впятером. Подошёл ещё кто-то из соседнего расчёта помочь, — и орудие медленно, юзом, выползло на пригорок, откуда открывалась вся деревня: два десятка изб, колодезный журавль, торчащий над снегом, и дальше, за околицей, чёрная кромка леса.

— Сафонов, — Петя отдувался, вытирал рукавом лоб, хотя пот на таком морозе давно бы уже застыл коркой. — Негусто живут.

— Не за красотой же пришли.

— А я и не про красоту. Я констатирую, как есть.

Андрей хмыкнул, ничего не ответив. Они с Петей были в одном расчёте ещё с формирования под Можайском — с того самого дня, как обоих определили в одно орудие, и с тех пор, где один, там и другой. Само собой так повелось.

Позицию указал лейтенант. Молодой, из недавнего выпуска, с ещё не обмятой шинелью и слишком прямой спиной, — ткнул рукой в край поля, откуда виден был весь подступ со стороны леса.

— Здесь окапываться. Сектор — от той берёзы до во-о-н того сарая. Немец, ежели пойдёт, пойдёт отсюда, по открытому.

— А ежели не отсюда? — подал голос кто-то.

— Там уже разберёмся, откуда его чёрт принёс, — лейтенант ответил без улыбки, хотя мог бы. — Я сейчас окапываться, разговоры после.

Земля шла тяжело, с мёрзлой коркой сверху. Первые полчаса больше кололи её штыком лопаты, чем копали.

Петя, отковыривая ком за комом, бормотал себе под нос что-то вроде считалки — не то ругался, не то просто занимал рот, чтобы не думать о боли в руках.

— Ты чего там бубнишь себе под нос?

— А у меня мамка так тесто месила, тяжёлое когда. Бормочет, бывало, без умолку. Говорит, легче идёт, коли рот занят делом.

— Тесто ты мне тут мнёшь, что ли? — возразил Андрей.

— Да с такой землёй — чем тебе не тесто, — Петя воткнул лопату, разогнулся, хрустнув спиной. — Слушай, а ну как немец сюда вовсе не сунется? Постоим месяц, ноги себе поотморозим — и по домам, а?

— Раз сам-то веришь в такое?

— Я сейчас, Андрюша, в сухую портянку больше верю, чем в то, что немец отступится.

Со стороны соседнего окопа донёсся смех. Не над Петинкой шуткой, своей, — там разгрузили катушку с проводом, и один из бойцов, невысокий, чернявый, лет двадцати на вид, что громко доказывал остальным, размахивая руками так, что чуть не свалил катушку.

— Это ещё кто такой заливается, — Андрей кивнул в ту сторону, спрашивая соседа по окопу.

— Чернышёв. Стрелок из третьего взвода. Балагур — таких поискать ещё. Со вчерашнего дня как прибыли, уже весь взвод байками закормил.

Чернышёв, будто услышав, что о нём говорят, обернулся, заметил новых людей у пушки, и, не долго думая, направился к ним, увязая сапогами в мёрзлой каше.

— Здорово, артиллерия! — он спрыгнул в окоп без приглашения, протянул руку сперва Андрею, потом Пете. — Никита. Слышал, вы тут главные — кто из пушки бьёт, тот и хозяин положения, верно я говорю?

— Смотря по кому бить, — Андрей пожал протянутую руку без особой охоты.

— По немцу, по кому ж ещё? — Никита огляделся, присвистнул. — Ух ты, сорокапятка! «Прощай, родина», выходит?

— Ты смотри, и прозвище уже знаешь? — спросил Петя.

— А то. У нас в полку каждый второй байки про сорокапятки травит. Мол, бьют в упор, потому как иначе никак, и что расчёты у них... — он осёкся, глянул на Петю, на Андрея, будто спохватился, что ляпнул лишку при живых людях, которым как раз из этой пушки и стрелять. — Ну да ладно... Не берите в голову. Байки, они и есть байки!

— Мы и не берём, — спокойно сказал Андрей. — Ты вон копать иди, стрелок, нечего по чужим окопам без дела шастать.

— Строгий у вас командир, — Никита подмигнул Пете, но выбираться из окопа не спешил. — Слышь, а правду говорят, что немец наших под Волоколамском почитай всех покосил? У нас в роте болтают — несколько ребят...

— У нас в роте тоже болтают — со дня на день зима кончится, — оборвал его Андрей.

Никита фыркнул, но не обиделся — видно было, обижаться на такое ему вообще не свойственно. Козырнул шутовски и полез обратно к своим, крикнув напоследок:

— Ну, значит, соседями будем! Чуть чего — я тут, за берёзкой той!

К обеду позицию для орудия уже наметили. Окоп неглубокий пока, только начало, — и Петя, воспользовавшись коротким перекуром, полез в вещмешок за сухарём.

— Гляди-ка, — сказал он, разламывая сухарь пополам и протягивая половину Андрею, — новенькие какие смирные. Вон тот, у пулемётчиков.

Андрей посмотрел, куда он показывал. У соседней ячейки топтался боец, явно не находящий себе места: долговязый, в очках, что было редкостью на передовой, и держал винтовку так, будто первый раз в жизни её увидел. Хотя, судя по всему, оружие ему выдали ещё в запасном полку.

— Симашко, — подсказал кто-то из проходивших мимо связистов. — Из пополнения. Из университета говорят, недоучился.

— Институтский, стало быть, — Петя прищурился с интересом, не со злобой. — Заучка какой-нибудь, поди. Книжки изучал вместо винтовки.

— Тебе смешно, что ли?

— Да не смешно вовсе. Жалко его немного, — Петя разжевал сухарь, задумался. — Такому тут тяжелее всех придётся. Мы-то с тобой из деревни, руки к земле привычные, а этот небось лопату первый раз в руках держит.

— Обвыкнется. Все обвыкаются, рано ли, поздно.

— Кто обвыкается, а кто и нет, — Петя вдруг посерьёзней, что с ним бывало не часто. — Слышь, Андрюх. А ежели и нас также? Как... Как ребят под Волоколамском...

— Лично я стрелять буду до последнего.

— Да я не про то тебя одного. Не страшно разве ж тебе?

Андрей помолчал, глядя на серое поле перед позицией, на кромку леса, откуда через несколько дней должны были появиться танки. Пока там не было ничего, кроме голых деревьев и низкого неба.

— Страшно, — сказал он наконец. — А то как же. Только раздумывать об этом сейчас без пользы — окоп сам себя не выкопает, пока коленками трусить будешь.

— Ишь ты, философ какой, — Петя усмехнулся. — Ладно, держи вторую половину, чего добру пропадать.

— Ты ж только что мне давал половину.

— Ну а теперь всю отдаю. У меня ещё есть.

Он полез обратно за сухарём, соврав, судя по звуку пустого мешка. Но Андрей не стал уличать — взял хлеб, кивнул молча, и оба вернулись к лопатам.

Связисты тянули провод от батареи к наблюдательному пункту весь остаток дня — катушка за катушкой, через поле, вдоль опушки, — и один из них, поживший уже, лет под сорок, с усталым, обветренным лицом, дважды прошёл мимо орудийного окопа, проверяя линию.

— Тебя как звать-то? — окликнул его Петя, когда тот в третий раз остановился неподалёку, сматывая слабинку.

— Соловьёв. Николай Фомич.

— Не молод уже вроде для передовой, Николай Фомич.

— Вот и в военкомате мне так сказали, — Соловьёв улыбнулся устало, без обиды. — На почте всю жизнь при линии проработал — вот и тут при линии оказался. Раньше людей связывал, теперь тут, стране в помощь.

— Семья-то есть?

— Жена, двое ребят. Младшему семь только стукнуло, — он поправил моток провода на плече. — Пишет каждую неделю, спрашивает, скоро ли домой. А я и сам не знаю, что ей отписать...

Он двинулся дальше, вдоль линии, и Петя долго смотрел ему вслед, пока Андрей не окликнул — мол, хватит глазеть, темнеет уже, окоп доделывать надо.

К вечеру позиции обозначились. Над деревней, над полем, над кромкой дальнего леса опускались ранние ноябрьские сумерки, быстрые, беспросветные.

Лейтенант обошёл линию перед темнотой, проверяя сектора обстрела. Придирчиво осмотрел оружие. Кивнул одобрительно.

— Ночью по очереди на посту стоять. Немец пока не близко, а разведка боем может нагрянуть в любой день. Расхлябанности не потерплю.

— А долго тут стоять будем, товарищ лейтенант? — спросил кто-то из темноты.

— Покуда не прикажут иначе, — ответил тот сухо, хотя, судя по лицу, и сам не знал ответа лучше.

Когда он ушёл, Петя долго молчал, глядя на тёмную полосу леса, где, по всем расчётам, рано или поздно должны были показаться танки.

— Знаешь, о чём думаю, — сказал он наконец. — А может, и пронесёт нас с тобой стороной. Постоим тут, отобьёмся раз-другой — и на этом делу конец.

Андрей не ответил сразу. Просто сел на дно окопа, прислонившись спиной к мёрзлой стенке. Вытянул ноги, насколько позволяло пространство.

— Может, и пронесёт, — сказал он, хотя по голосу было слышно, что сам в это не шибко верит.

Где-то далеко, за лесом, глухо ворохнулось. Не то гром, не то артиллерия, слишком далеко, чтобы разобрать, — и оба замолчали, вслушиваясь в темноту, которая с каждым часом придвигалась ближе к Сафонову.

Глава 2

Глава II.

Штаб батальона занимал уцелевшую избу на краю Сафонова.

Печь ещё топилась. На столе среди карт стояла закопчённая керосиновая лампа, и от того в горнице было относительно тепло, хотя окна давно повышибало взрывной волной и заткнуто было чем попало.

Комбат — капитан Воронин, невысокий, жилистый, с обмороженными до черноты костяшками пальцев — стоял над картой, когда в избу, не постучавшись, вошёл адъютант.

— Товарищ капитан. Генерал едет!

Воронин выпрямился так резко, что зацепил локтем кружку с остывшим чаем.

— Да ты ж твою... — кинул Воронин в сторону опрокинутой кружки. — Далеко?

— Уже на подъезде, с минуты на минуту...

— Лейтенанта ко мне, живо! И чтоб на позициях порядок — если кто без дела шляется, пусть хоть землю грызёт, но чтоб при деле был.

Генерал приехал на «эмке», забрызганной по самые стёкла мёрзлой грязью. Вылез тяжело, кутаясь в полушубок, огляделся коротко, будто и без доклада уже видел всё, что нужно было увидеть.

— Капитан Воронин? Докладывайте.

— Товарищ генерал-майор. Батальон занимает рубеж по восточной окраине Сафонова, три орудийных расчёта, пулемётные точки на флангах, связь с наблюдательным пунктом установлена сегодня к обеду. Личный состав — сто сорок штыков, из них треть — пополнение последней недели.

— Пополнение необученное?

— Обученное, товарищ генерал-майор, но необстрелянное. По большей части.

Генерал прошёл в избу, склонился над картой, ткнул пальцем в точку рядом с деревней.

— Здесь дорога на Волоколамск проходит?

— Так точно. Просёлок, но для техники годный.

— Вот поэтому Сафоново удержать нужно любой ценой, капитан. Пойдёт немец здесь — выйдет во фланг соседям, а соседи держат последний рубеж перед шоссе. Понимаете, что это значит?

— Понимаю, товарищ генерал-майор.

— Не уверен, что понимаете до конца. — Генерал выпрямился, посмотрел на Воронина в упор, не зло, но тяжело. — Резервов у меня нет. Ни батальона, ни роты. Всё, что могу дать, — вот сейчас, с этой машиной, подвезут снаряды и медиков, больше ничего не будет ещё дня три, может, больше. Держаться придётся тем, что есть.

— Приказ будет какой, товарищ генерал-майор? Насчёт отхода, если давление сильное окажется?

Генерал помолчал, глядя на карту, будто там, среди линий и обозначений, можно было отыскать ответ полегче того, что он собирался дать.

— Приказ простой, капитан. Отхода не будет. Позади вас — Москва, а позади Москвы — ничего, вы сами это не хуже меня знаете. Не геройствуйте зря, людей берегите, где можно, — но рубеж не оставлять. Ни при каких условиях, покуда есть чем стрелять хоть из одной пушки.

Он ещё раз взглянул на карту, потом на Воронина.

— Сколько у вас противотанковых стволов?

— Три сорокапятки, товарищ генерал-майор.

— Три, — генерал повторил так, будто взвешивал его на ладони. — Против того, что пойдёт с той стороны леса, — негусто. Но больше дать не могу. Держите людей крепче, капитан.

От того, устоит Сафоново или нет, много чего дальше зависит — не только для вас, для всей линии.

— Устоим, товарищ генерал-майор.

— Не докладывайте мне, что устоите. Докладывайте потом, что устояли. — Генерал впервые за весь разговор чуть смягчился лицом, хлопнул Воронина по плечу коротко, по-мужски. — Держитесь, капитан. И людям своим передайте — не забыты. Просто резервов больше нет ни у кого. Такая война сейчас.

Он вышел, не прощаясь долго. Сел обратно в машину, и его ГАЗ, буксуя на раскисшей колее, укатила в сторону Волоколамска, оставив после себя только вмятины в грязи и тяжесть в груди у тех, кто слышал разговор через тонкую перегородку.

Обещанный грузовик пришёл ближе к вечеру. Старая полупторка, кузов затянут брезентом.

Едва встав у крайних изб, была тут же облеплена бойцами: разгружать ящики со снарядами, мешки с крупой, тюки с бинтами и медикаментами приказано было бегом, пока не стемнело совсем.

Арсения назначили в наряд по разгрузке вместе с ещё тремя бойцами — дело нехитрое, но тяжёлое: ящики со снарядами весили немало, а руки после целого дня на морозе слушались плохо.

— Давай, давай, ботаник, не спи, — подгонял его один из напарников беззлобно, — стемнеет скоро.

Из кабины, кроме шофёра, выбралось ещё двое — военврач, пожилой, усталый, и следом за ним, спрыгнув с подножки неловко, придерживая рукой санитарную сумку, — девушка, совсем молоденькая, в шинели явно не по размеру, а из-под ушанки выбивалась русая прядь.

Она сразу же взялась помогать разгружать тюки с бинтами, не дожидаясь приказа. И один тук, тяжелее, чем казался, вдруг качнулся у неё в руках, повалился набок. Арсений, стоявший рядом, машинально шагнул, подхватил тук прежде, чем тот упал в грязь.

— Осторожно, — сказал он первое, что пришло в голову, и тут же почувствовал, что вышло неловко, глупо.

— Спасибо, — она выпрямилась, отряхнула варежки, посмотрела на него — открыто, без жеманства. — Я и сама бы подняла. Просто неудобно ухватила...

— Да я не сомневаюсь, — он снова смутился собственным словам, поставил тук на снег рядом с остальными, не зная, куда деть руки. — Просто рядом стоял.

— Люда, — она протянула руку, как это принято между новыми сослуживцами, — Медсестра.

— Арсений. — Он пожал её руку неловко, будто не был уверен, положено ли вообще так здороваться на морозе, посреди разгрузки. — Стрелок.

— А не похож.

Он растерялся на секунду, потом понял, что она не со зла сказала, а вроде как пошутила, и неловко улыбнулся в ответ.

— Мне это уже говорили. Не первый раз слышу.

— И не обидно вам?

— Нет, — сказал он честно, подумав. — Наверное, правда не похож.

Люда усмехнулась, наклонилась за следующим тюком, и тут окликнул её военврач. Она подхватила тук и пошла к дому, где уже разворачивали медпункт.

Арсений остался стоять, глядя ей вслед, пока не окликнули снова — разгружать, не спать, — и он вернулся к ящикам, но что-то внутри у него теперь двигалось иначе, будто мороз стал чуть менее злым, чем был полчаса назад.

Никита в этот вечер был на другом конце деревни, на посту, и о прибывшей полупторке, о медиках, о новой медсестре, поселившейся при штабе, не знал ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.